

УДК 343.9

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Семенова Екатерина Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
e-g-semenova@mail.ru

Ильянович Екатерина Борисовна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии естественнонаучного профиля,
Таврическая академия Крымского федерального университета
В.И. Вернадского
femwolf@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of
Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the
Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

Ekaterina G. Semenova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines Crimean
branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: e-g-semenova@mail.ru

Ekaterina B. Pyanovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy of the Natural Science Profile
Taurida Academy (Academic Unit) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University
femwolf@mail.ru

**Интервальная методология
в криминологическом исследовании феномена насилия**

**Interval methodology in the criminological research
of the phenomenon of violence**

Аннотация. С целью всестороннего изучения феномена насилия, а также его концептуализации в криминологическом ракурсе, необходим выход за рамки предметной сферы криминологии для привлечения методологического инструментария, посредством применения которого можно решить комплексную исследовательскую задачу. Таким инструментарием была

избрана интервальная методология, которая утвердилась в современном философском дискурсе в результате взаимодействия философского методологического сознания с общенаучной методологической культурой. Насилие в данной статье исследуется как многомерный феномен посредством интервального метода, с применением фундаментальных принципов и постулатов интервальности как одной из форм постнеклассической рациональности. Этот анализ предполагает рассмотрение насилия в его различных интервалах: биологическом, физическом, психическом, социальном, культурно-историческом, правовом, духовном. Криминологический ракурс исследования насилия устанавливает правовой интервал его анализа в качестве фундаментального. Применение метода интервального синтеза позволяет сформулировать универсальное для криминологической науки понятие насилия с учётом множества его существенных характеристик.

Ключевые слова: насилие, криминальное насилие, насильственная преступность, феномен, интервал, интервальная методология, криминологическая наука.

Annotation. For the purpose of comprehensive study of the phenomenon of violence, as well as its conceptualization in the criminological foreshortening, it is necessary to go beyond the scope of criminology to attract methodological tools, through which a comprehensive research task can be solved. Interval methodology, which was established in modern philosophical discourse as a result of the interaction of philosophical methodological consciousness with general scientific methodological culture, as such instrumentality was chosen. Violence as a multidimensional phenomenon through an interval method, using fundamental principles and postulates of interval as one of the forms of post–nonclassical rationality is explored in this article. This analysis involves the consideration of violence in its various intervals: biological, physical, mental, social, cultural, historical, legal, and spiritual. The criminological view of violence research establishes the legal interval for its analysis as a fundamental one. The application of the method of interval synthesis allows us to formulate the concept of violence universal for criminological science, taking into account its many characteristics.

Key words: violence, violent crime, interval, interval methodology, criminological science.

Насилие как один из противоречивых и сложных социокультурных феноменов издавна является объектом исследовательского интереса представителей разных сфер гуманитарного и естественнонаучного знания – историков, философов, правоведов, политологов, культурологов, психологов, социологов, биологов, археологов и др. Результатом соответствующих исследований стали уже вошедшие в научный оборот термины: «антропология насилия» [1], «социология насилия» [2; 3], «социальная антропология насилия» [4], «субкультура насилия» (subculture of violence) [5], «археология насилия» [6] и т.п. Если первые понятия характеризуют разные формы насилия как специфические поведенческие акты индивидов и групп во внутреннем и межкультурном общении, то последний термин отображает его специфику

посредством реконструкции элементов культурных практик (ритуалов, обрядов, военного дела и др.).

В психологии, социологии и политологии насилие рассматривается преимущественно как деструктивное явление. В междисциплинарных исследованиях, объединяющих проблемные поля современной западной нарративной криминологии и теории культуры, утверждается, что насилие в глазах молодёжи связано с опытом повседневной жизни, реализуемого в практике взаимодействия жертвы, свидетеля и преступника [7; 8; 9; 10].

Так, в исследовании проблем современной городской культуры, опубликованном в Британском криминологическом журнале в 2007 году, утверждается, что насилие в условиях потребительского общества стало неотъемлемым атрибутом ночного досуга молодёжи [11]. Философское осмысление культурного наследия древних, традиционных и современных обществ позволяет сделать вывод о чрезвычайно сложном и неоднозначном характере феномена насилия. В определённом смысле слова насилие в процессе общественно-исторического развития выступало в качестве одного из инструментов различных социальных практик, в связи с чем, мы можем с уверенностью заявить, что феномен насилия относится к тому чрезвычайно важному кругу антропологических проблем, от принципиального решения которых по-прежнему зависят судьбы целых поколений истории.

Общеизвестно, что одной из важнейших задач криминологической науки является исследование природы насильственного поведения, лежащего в основе выделения отдельного вида преступности – насильственной преступности. Для успешного в данной области исследовательского результата – формирования теоретико-методологических оснований выработки эффективного механизма комплексных мероприятий противодействия как криминальному насилию в частности, так и преступности в целом, – необходимо учитывать все общетеоретические достижения мыслительной культуры, которые могут быть применены к глубинному анализу насилия как определяющего сам дискурс феномена.

С целью всестороннего изучения преступности как основного предмета криминологической науки, необходимо учитывать также сложные естественные и общественные явления и процессы, которые прямо или косвенно конституируют собственно сам феномен преступного поведения, в том числе – насильственного. Также необходимо обратить особое внимание на многоаспектность понятия насилия, и самой реальности, стоящей за данным понятием. С учётом этого обстоятельства, исследовательским объектом здесь становится достаточно широкое и насыщенное многочисленными детерминантами проблемное поле. Оно включает в себя комплекс взаимосвязанных явлений и процессов, протекающих в разных сферах жизни общества, а также разнообразные характеристики и проявления природы человека. Для исследования такого широкого и многопланового поля, учитывая сложность выхода за рамки предметной сферы криминологии, необходим соответствующий методологический инструментарий, который составил бы комплексную исследовательскую программу изучения насильственной

преступности с учетом всех ее характеристик [12; 13].

Нельзя не согласиться с Д. А. Шестаковым, что при создании концептуальных основ противодействия преступности нужен прорыв в области теории. Именно поэтому при всей полезности и эффективности имеющихся исследований в сфере уголовно-правовой и криминологической политики важно расширить научную базу анализа эмпирических фактов, обеспечить максимально широкое (во времени и пространстве) видение соответствующей проблематики. Это обуславливает необходимость консолидации и интеграции имеющегося научного знания в исследовании преступности как мегапроблемы функционирования человеческого общества, человеческой цивилизации, придания криминологической теории философского оттенка [14, с. 76].

Интервальная методология как методология исследования насилия: ключевые принципы. Важно констатировать, что специфика феномена насилия, отражающаяся в его сложной и многоуровневой природе, породила мультидисциплинарное проблемное поле исследований, которое конституирует междисциплинарные разработки. Изучение насилия с учётом всех его характеристик, попытка раскрыть саму сущность данного феномена, не злоупотребляя одним из его свойств, требует применения такого теоретико-методологического аппарата, который бы имел трансдисциплинарный статус. Таким исследовательским инструментом является утвердившаяся в современном социально-гуманитарном знании интервальная методология, которая сформировалась в результате взаимодействия общенаучной и философской методологической культуры во второй половине XX столетия.

Данный методологический тренд отражает парадигму *интервальной школы философии*, разработка которой связана с отечественными представителями современного философского дискурса, которые работают как на внутридисциплинарном (теория познания, логика, философская антропология и философия культуры) так и на междисциплинарном уровнях (философия и методология науки, философия трансдисциплинарности, философия мышления) – Ф.В. Лазарев, М.М. Новосёлов, С.А. Лебедев, Л.П. Киященко, В.И. Моисеев, Ю.Ф. Вилесов, В.И. Кураев, В.Н. Сагатовский, М.К. Трифонова, А.И. Креминский, В.В. Буряк, М.В. Масаев, Ю.В. Шичанина и др.

Сама идея интервальности отражала принципиально новый взгляд на структуру реальности как «многомерную» в своей основе и предполагала соответственно новую методологию её постижения. По сути, интервальная методология выросла из интервального подхода. Интервальный подход продемонстрировал, что любая обоснованная позиция, трактовка, модель, понятие имеют объективные основания, если они выдают инвариантные истины с точек зрения, заданных условиями их опыта (существования), т.е., такие истины, которые в аналогичных познавательных, социальных, культурных и прочих реалиях выдавал бы любой субъект познания, деятельности, отношений. В данном случае, интервальность опирается на общеизвестный философский принцип об объективной относительности свойств вещей и их инвариантных соотношениях как основе их познания [15, с. 54].

В рамках интервальной методологии были выработаны собственные онтологические и познавательные принципы, а также соответствующий концептуальный аппарат как система ключевых абстракций. Новая онтология вскрывала взгляд на реальность, природа и структура которой многомерна (интервальна), а новая теория познания предполагала многомерный (интервальный) метод постижения этой реальности [15, с. 76].

К фундаментальным принципам интервальной методологии относят следующие.

1. Интервальный метод абстрагирования (технология введения абстрактных объектов, применяемых в рамках заданных интервалов).

2. Метод гносеологической фокусировки (схватывание истины, уточнение и прояснение образов реальности, свойств объектов в рамках заданной интервальной ситуации) [16, с. 297].

3. Метод интервализации (задание особого контекста рассмотрения объекта с позиций конкретной познавательной задачи посредством специально подобранной системы абстракций).

4. Метод концептуальной развёрстки (репрезентация одного и того же познаваемого объекта в различных мыслительных плоскостях и обнаружение множества интервалов абстракции для него) [17, с. 336].

5. Метод концептуальной сборки – построения конфигураций в многомерном пространстве (установление логических связей и переходов между разными интервалами абстракции (трандукция), образующими единую смысловую конфигурацию с целью представления объекта в многомерном когнитивном пространстве) [15, с. 86].

6. Метод конститутивной рефлексии (предполагает анализ предпосылок и условий мыслимости, понимания и познания исследуемого объекта в рамках заданной интеллектуальной перспективы) [17, с. 336].

Интервальная методология исходит из того, что:

1) любой объект многомерен и сложен;

2) многомерность объекта задаёт многомерную «оптику» познания (многомерное мышление, интервальное познание);

3) любой объект существует и определенным образом проявляет себя не вообще, а лишь в конкретных условиях – интервалах;

4) познание любого объекта предполагает разнообразные познавательные позиции (условия познания) с различными познавательными возможностями;

5) при исследовании одного и того же объекта в разных познавательных позициях субъектом должны применяться разные модели, картины и образы реальности, т.е. – интервалы рассмотрения;

6) в рамках каждого интервала рассмотрения объекта рождается обоснованное, «предельное» знание о его свойствах, претендующее на абсолютный характер, а в рамках других интервалов это знание относительно;

7) сущность объекта не сводится ни к одному из его проявлений в любом интервале, а имеет надинтервальный характер;

8) каждая познавательная позиция субъекта имеют равное право на

истину, если она рационально обоснована;

9) познание многомерной сущности объекта возможно только с учётом описания множества его измерений, всех характеристик, проявляющихся в рамках различных интервалов с помощью специальной интервальной «оптики» – многомерного мышления [18, с. 207].

Интервальный метод является важнейшим элементом особого стиля мышления, связанного с применением многомерного подхода к постижению структуры реальности в целом, а также к любым её составляющим. Он исходит из того, что в процессе познания у исследователя могут складываться разные точки зрения, открываться различные картины, проявляться разнообразные характеристики и аспекты любых изучаемых объектов [18, с. 206].

Множественные точки зрения и измерения одного и того же объекта отражают его многомерность и сложность, а также многомерность и сложность реальности, в контексте которой он исследуется, множественность познавательных позиций и интервалов абстракций, связанных с опытом познающего субъекта, и могут рассматриваться в качестве допустимо равноправных лишь при одном условии – если все они удовлетворяют требованию достаточной обоснованности. Известно, что в науке обоснованность связана с принципами научной рациональности, а в социальной жизни она определяется смыслами и ценностно-целевыми структурами. В связи с этим, любой социальный субъект всегда пребывает в определенных интервалах своего существования, создающих систему, которая включает в себя определённые константы, универсалии, ценности и жизненные смыслы, общие для всех представителей данной системы. Эта общность существует объективно, следуя из самой логики человеческой жизнедеятельности. Субъект, пребывающий в определенном интервале, не просто владеет собственной картиной реальности, видением происходящего – он владеет этим с некоторой необходимостью. А это означает, что любой другой субъект, будучи поставленным в аналогичные условия, будет иметь ту же картину реальности [19, с. 34].

Применение интервального подхода к феномену насилия с целью многомерного анализа последнего предполагает его рассмотрение в различных интервалах: биологическом, физическом, психическом, социальном, культурно-историческом, правовом, духовном. В основу всестороннего понимания данного сложного и противоречивого феномена может лечь надинтервальный синтез полученных в рамках каждого интервала знаний, результаты которого позволят обогатить криминологическую концепцию насилия.

Интервальная диалектика в методологии исследования насилия. Несмотря на все многообразие подходов и умозрительных конструктов, применяемых при определении понятия насилия в различных сферах социально-гуманитарного знания – от социологии, психологии, философии, – до криминологии – очевидно, что фундаментальным компонентом насилия выступает *акт силы*, применяемой *вопреки чужой воле*. Именно в отмене (игнорировании) чужой воли состоит деструктивность насилия, которая, в свою очередь, обуславливает противоправность (запрещенность) насилия. Эта

характеристика задаёт криминологический ракурс рассмотрения проблемы. Однако для последующей работы в рамках этого ракурса необходимо прежде осуществить процедуру абстрагирования, т.е. отвлечения от прочих характеристик насилия, не имеющих прямого отношения к такому его свойству, как противоправность. И, получив различные картины (характеристики) в других исследовательских измерениях, охватывающих столь сложный многомерный феномен, сформулировать на базе криминологического понимания надинтервальную трактовку насилия.

Исследование такого сложного феномена, как насилие предусматривает изучение огромного количества его разных свойств и признаков, среди которых необходимо выделить основные. Именно поэтому значение общенаучного метода абстрагирования здесь сложно переоценить. Абстракция, выступая средством теоретического освоения действительности, занимает важное место в системе способов получения юридического знания, в частности криминологии. С его помощью исследователь-криминолог осуществляет умственное (внутреннее) отвлечение от второстепенных, незначительных характеристик насилия с целью сосредоточения на главных, т.е. сущностных ее особенностях [12, с. 129].

Применение *интервальной диалектики* в анализе насильственной преступности как многомерного явления нуждается, прежде всего, в процедуре абстрагирования с целью выявления ключевых для нашей исследовательской интенции характеристик данного феномена. Далее необходимо рассмотреть проблему насилия с позиций диалектического соотношения внутреннего и внешнего – ситуации «извне» и «изнутри».

В повседневной практике чисто интуитивно смысл понятия насилия считается понятным, в научном же дискурсе довольно тяжело поддается внятному определению. Очевидно, что с позиций этимологии сам термин характеризует какой-либо акт, осуществляемый с помощью силы. Безусловно, не всякое применение силы можно относить к насилию, а только происходящее против (вопреки) воли. В этом смысле насилие – это общественные отношения.

Анализу насилия как *социального явления* посвящено множество работ философов, которые развили свои соображения до концепции «этики ненасилия». Среди них важно отметить таких мыслителей, как Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов, А. П. Желобов, В. П. Иванов, Н. Мириманова и др. Например, А. А. Гусейнов рассматривает насилие как «такой тип человеческих, общественных отношений, в ходе которых одни индивиды и группы людей подчиняют себе других, узурпируют их свободную волю» [20]. О насилии можно говорить лишь тогда, когда сила переламинает силу, но и здесь есть исключения. Насилие имеет место только в отношениях между людьми, поскольку они обладают свободной волей; оно в этом смысле есть общественное отношение. Насилие разрывает общественную коммуникацию, разрушает ее общепризнанные основания, получившие выражение в традициях, обычаях, праве, иных формах культуры. Осуществляемое в форме насилия разрушение человеческой коммуникации не является тотальным. В процессе насилия одни индивиды навязывают себя, свои цели и нормы другим,

стремятся подчинить их себе [21, с. 149]. Само понимание насилия как принуждения, ограничения свободы выбора, а также поведения индивида, наносящего ущерб другим индивидам [22, с. 613], выступает наиболее распространенным среди большинства исследователей.

С точки зрения интервального подхода принципиально важно отличать два способа существования любых феноменов – извне и изнутри. Диалектика внутреннего и внешнего в исследовании феномена насилия выступает важнейшим методологическим инструментом: именно благодаря ней можно определить разницу между субъектом и объектом насильственных действий, между сущностью насилия как феномена (изнутри) и его проявлениями (извне).

Исследовательская ценность соблюдения данного принципа состоит в том, что «... чем более детально мы анализируем структуру «извне», тем более убеждаемся, что на самом деле то, что мы изучаем, является природой внутренних процессов нашего сознания. Ничто не существует где-то «извне», есть только одно сознание» [23, с. 222]. Таким образом, исследуя внешнюю форму существования насилия, мы исследуем насилие внутри себя – т.е. человека, совершающего акт насилия. Познание проблемы «изнутри», в себе, дает возможность успешно влиять на нее в ее сущности «извне».

С помощью метода абстрагирования, применяемого в рамках интервального подхода, раскроем суть феномена насилия с позиции его существования «извне». Так, феномену насилия как абстрактному объекту, существующему в пространстве мысли, соответствует насильственная преступность как эмпирический объект, существующий в пространстве конкретных вещей, явлений и событий.

Раскрывая сущность феномена насилия в одном из контекстов его существования «извне» – *в правовом интервале абстракции*, отметим, что таковым представляется не всякое насилие, а только такое (в совокупности всех его проявлений), которое квалифицируется в качестве запрещенных криминальным законом воздействий на объект (человека) и может быть выражено понятием «криминальное насилие». Итак, посредством процедуры абстрагирования, становится возможной концептуализация криминального насилия, раскрытие его специфики в отличие от правомерного принуждения, в том числе воспитательного, и других феноменов.

Потребность в осмыслении явления насильственной преступности очевидна не только для решения задач криминологической науки. Исследование данного феномена, влияющего на все сферы общественной жизни, безусловно, необходимо для выработки соответствующих механизмов противодействия ему. Однако, несмотря на крайнюю актуальность данной проблемы и довольно обширное количество современных отечественных и зарубежных исследований проблем насилия, среди исследователей нет единства даже в определении самого понятия «насилие».

Применение метода обобщения в рамках интервального подхода позволяет нам рассматривать феномен насильственной преступности с точки зрения его существования «извне» как систему запрещенных законом действий, связанных с применением силы вопреки чужой воле.

Анализируя насилие в ситуации «извне», но уже в целом – в *социальном интервале*, можно понимать его как специфические общественные отношения, заключающиеся в противоправном воздействии субъекта на объект, что связано с игнорированием воли последнего.

Рассматривая феномен насильственной преступности с позиции существования насилия «изнутри», следует учитывать следующее важное свойство насилия как явления. Любые социально значимые усилия человека, проявляющиеся в его поведении, имеют предмет (объект) своего воздействия. Насилие – это тип субъект-субъектных отношений, при которых один субъект подчиняет своей воле свободную волю другого субъекта, превращая его тем самым в объект воздействия.

Таким образом, с точки зрения диалектики внутреннего и внешнего, анализируя феномен насилия с позиции «изнутри», можно прийти к выводу, что субъект и объект насилия выступают в качестве структурообразующих сам акт насилия элементов (действующих лиц), формирующих вместе с условиями и мотивами совершения насильственных деяний определенный внутренний конституирующий интервал абстракции. Вместе с мировоззренческими и психологическими установками, которые пассивно и (или) активно принимают участие в насильственном акте индивидов, а также конкретной социальной обстановкой, можно выделить внешний определяющий интервал абстракции – общий контекст актуализации насилия.

Ещё один аспект изучения проблемы насилия «изнутри» – исследование в рамках культурно-исторического интервала. Насилие является характерной чертой не только нашего времени, но и всех предыдущих эпох культурно-исторической эволюции человечества. Специалисты в области гуманитарного знания связывают рост отрицательных явлений в социальной среде с разными переломными моментами общественных трансформаций (крушение государств, войны, смена режимов, и т.д.).

С учетом основных подходов к пониманию насилия в динамике социального познания можно выявить такие его характерные особенности:

1) насилие существовало всегда. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствует определенный уровень и формы проявления насилия. Другими словами, насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации;

2) в процессе культурно-исторической эволюции человечества изменяется понимание сущности феномена насилия и подходы к его осмыслению. Рефлексия социумом насилия как такового происходит только при условии противоправности (недозволенности, запрещенности) такого насилия;

3) независимо от уровня и направленности культурного развития общества (в том числе в части разнообразия подходов к определению противоправности тех или иных форм поведения) анализ процесса культурно-исторической эволюции указывает на практически не изменяющееся в течение истории восприятие человечеством как противоправных (недозволенных,

запрещенных) таких форм насилия, как убийство, изнасилование, разбой и т.п.;

4) по мере культурно-исторической эволюции человечества акцент в сущности феномена насилия переносится с его сугубо биологической (инстинктивной) природы в социальную плоскость. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек начал использовать насилие как средство достижения разных целей, а, улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти;

5) на трансформацию феномена насилия и его рефлексии социумом важное влияние имело становление и развитие таких социальных институтов, как:

а) семья: от запрета на убийство родственника в родоплеменном обществе к запрету насильственных (включая психическое воздействие) методов воспитания в современном обществе;

б) религия: интенсивное распространение религиозных взглядов в части духовного развития человека, утверждение базовых человеческих ценностей и формирование установки на их охрану сыграло значительную роль в социальной рефлексии насилия, в частности в ограничении его проявлений в жизни человека; в то же время, несмотря на присущую сегодняшней цивилизации консолидацию мировых религий, оно было постоянным источником насильственных конфликтов;

в) политика: во все времена от закрепления государственности и государственных идеологий (начиная с позднего средневековья) к эпохе тотально организованных идеологий (особенно актуальных в современный период глобализации) политика определяла критерии легитимности «государственного» насилия и кодифицированность (системное определение преступности и наказуемости отдельных форм поведения в законе) преступного насилия;

б) в ходе эволюции человечества, возникновения и формирования новых сфер жизнедеятельности социума происходит и эскалация насилия в них. Так, в наше время формирование глобального информационного общества обусловило переход насилия из сферы реального, видимого воздействия в значительной мере в скрытую сферу виртуального воздействия [24, с. 133].

Изучение насилия в ситуации «изнутри» невозможно без познания его внутренней природной сущности, прежде всего, в *биологическом интервале*.

Применение метода абстрагирования к выявленным в результате изучения насилия как многомерного феномена в динамике культурно-исторической эволюции человечества его характерным особенностям позволяет акцентировать внимание на глубинной антропологической природе насилия и провести соотношение понятий *агрессия* и *насилие*.

В научной литературе агрессия и насилие рассматриваются как родственные по отношению друг к другу понятия, иногда как синонимы, иногда наоборот. Так, философы указывают на то, что агрессия

характеризуется насильственными и принудительными актами физического и вербального поведения субъектов, которые выходят за пределы физической самодостаточности и духовной суверенности и в своей деструктивной функции угрожают безопасности как отдельного человеческого индивида, так и социальной жизни в целом [25, с. 11]. Психологи же акцентируют внимание на направленности агрессии как на живую, так и неживую природу: агрессия – это «мотивированно-деструктивное поведение, которое противоречит нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносит вред объектам нападения (живым и искусственным), наносит ущерб людям или вызывает у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и др.).

Агрессивные действия выступают в качестве:

- 1) средства достижения какой-нибудь значимой цели;
- 2) способа психологической разрядки;
- 3) способа удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении» [26, с. 19].

В целом, проблемы агрессии и насилия исследовались в работах З. Фрейда, К. Лоренца, Э. Фромма, К. Юнга, К. Хорни и др. Изучению природы агрессии и насилия посвящены работы А. Басса, Д. Долларда, Л. Берковца, А. Бандуры, Д. Уотсона, Г. Андреева, С. Эникополова, Л. П. Колчина, Н. Д. Левитова, Ю. Б. Можгинского, А. О. Реана, Е. В. Рощина, Т. Г. Румянцевой и др. Например, З. Фрейд объяснял агрессию как проявление изначально присущих человеку инстинктов, а А. Адлер – как «стремление к преимуществу» и совершенству [27]. По мнению Р. Бэрона и Д. Ричардсона, поддерживаемому большинством западных ученых, агрессия в любой форме представляет собой поведение, направленное на причинение вреда другому живому существу, имеющему все основания избегать такого к себе обращения. Данное комплексное определение содержит в себе следующие положения:

- 1) агрессия обязательно подразумевает преднамеренное, целенаправленное причинение вреда жертве;
- 2) в качестве агрессии может рассматриваться только такое поведение, которое подразумевает причинение вреда живым организмам;
- 3) жертвы должны обладать мотивацией недопустимости подобного с собой обращения [28, с. 53].

Относительно последнего определения, на наш взгляд, нельзя согласиться с категоричным утверждением о направленности агрессии на причинение вреда объекту. Сами авторы указывают на живое существо как на объект агрессивных действий. В свою очередь, всем известно, что животным чужда жестокость – при принятии жертвой «позы побежденного» («позы убитого») агрессор прекращает нападение. В случае же обороны агрессивные действия относительно нападающего направлены на отражение нападения, а совсем не на причинение ему вреда.

Развитие этологических дисциплин в середине XX ст. позволило получить реальный эмпирический материал, обобщение которого дало представление об агрессии как об общем врожденном инстинктивном

механизме у животных и человека. С позиций эволюционной психологии агрессия – это проявление набора типичных для вида программ поведения, имеющих общую адаптивную функцию и накопительный эффект [29; 30; 31; 32]. Именно в подобном ключе трактовал агрессию К. Лоренц. С точки зрения ученого, агрессия является инстинктивным побуждением, внутреннее напряжение которого требует и находит разрядку, независимо от наличия для этого соответствующего внешнего раздражителя, выполняя в природе важнейшую жизнеутверждающую функцию [33].

Следует отметить, что, в отличие от насилия, агрессия всегда имеет инструментальный характер, связана с витальной необходимостью и присуща всем живым существам. Насилие же характерно только для человека. Как совершенно справедливо отмечает А. А. Гусейнов, «насилие следует отличать от естественной агрессивности, воинственности, представленных в человеке в виде определенных инстинктов. Эти инстинкты, как и противоположные им инстинкты страха, могут играть свою роль и даже утонченно использоваться в практике насилия. Тем не менее, само насилие есть что-то другое и отличается от них тем, что заявляет себя как акт сознательной воли, ищет для себя оправдывающие основания. ... От других форм общественного принуждения насилие отличается тем, что оно доходит до границ жестокости, характерных для естественной борьбы за существование. А от собственно естественной агрессивности оно отличается тем, что апеллирует к праву, справедливости, человеческим целям и ценностям. В этом смысле насилие можно охарактеризовать как право сильного или как возведение силы в закон человеческих отношений. Оно не является элементом естественного состояния, которое понимается вслед за Гоббсом как гипотетическая естественная предпосылка общественной жизни. Его нельзя также считать элементом цивилизационно-морального существования. Насилию нет места ни в природе, ни в пространстве человеческого ума. Оно находится между ними» [20, с. 35].

Ведущий исследователь в области психологии агрессии Л. Берковиц выделяет такую ее крайнюю форму, как насилие. При этом под насилием он понимает намеренное стремление причинить серьезный физический вред другому лицу [34, с. 24-26]. Как показало кросс-культурное исследование феномена насилия, по мере эволюции человечества акцент в сущности данного феномена переносится из его сугубо биологической (инстинктивной) природы в социальную плоскость. Из этого следует, что агрессия, оставаясь по своей сути феноменом исключительно биологического порядка (присущим миру животных, в том числе человеку в животном состоянии), является биологической основой насильственного поведения.

Функциональность насилия, в отличие от агрессии, более универсальна. Так, например, исследуя феномен насилия, известный философ Э. Фромм выделял несколько его форм: игровое, представляющее собой демонстрацию своей готовности и ловкости; реактивное, выступающее в качестве защиты жизни, свободы, достоинства и не имеющее деструктивного характера; из мести – ответ на насилие насилием; «потрясение веры» – вид насилия, которое совершает разочарованный, обманутый человек; структурное – закрепленное в

образе жизни, общественной мысли, интернализируется как «признание насилия»; манифестное – насилие, осуждаемое и запрещенное обществом; частное – исходит от одного человека и проявляется в его личном поведении [35, с. 20-27]. В данном случае насилие предстаёт как феномен культуры.

Итак, крайней формой проявления агрессии человеком, как существом биосоциальным, является насилие. Следует отметить, что именно такой позиции придерживаются современные криминологи. Так, А. М. Бандурка и О. Ф. Зелинский указывают, что насилие есть наиболее острым и опасным проявлением агрессивного поведения [36, с. 7]. В свою очередь, данное соотношение феноменов агрессии и насилия указывает на биосоциальную природу последнего.

Учитывая социальную сущность насилия как типа субъект-субъектных общественных отношений, рассмотрение феномена насилия в *биологическом интервале* позволяет выявить следующую его сущностную характеристику: насилие – это акт поведения человека, исходящий из присущих ему природных инстинктов, направленный исключительно на другого человека и выступающий потенциальной угрозой здоровью и/или жизни последнего.

Поскольку субъект и объект (субъект, чья свободная воля с помощью воздействия на него подчиняется воле другого субъекта) насилия выступают как структурообразующие сам акт насилия элементы (действующие лица), исследование насильственной преступности как многомерного феномена с позиции существования «изнутри» актуализирует необходимость его рассмотрения в *психическом интервале*.

Сущность насилия с психической точки зрения состоит в воздействии одного человека на другого, осуществляемом против (вопреки), другими словами, игнорируя его свободную волю. Совершение воздействия такого рода, безусловно, откладывается в сознании влияющего индивида – субъекта насилия. Таким образом, акт насилия является осознанным актом поведения человека. Отличительной особенностью насильственного поведения есть и то, что оно преследует определенную цель – от овладения каким-либо материальным объектом, мести к получению на подсознательном уровне психической разрядки (удовлетворения) – в случае так называемого «насилия ради насилия». Приложение определенных усилий (воздействие на объект), направленных на достижение цели, свидетельствует о волевом характере насильственного поведения. Более того, осознание характера своего поведения и его направленности свидетельствует о намеренном характере насильственного действия. Таким образом, исследование насилия в психическом интервале позволяет констатировать: насилие – это осознанный, волевой акт поведения человека.

Изучение феномена насильственной преступности «изнутри» предполагает рассмотрение также и физической сущности насилия, т.е. исследование его в *физическом интервале*. Исследование «внутренней» сущности насилия на физическом уровне предусматривает поиск ответа на вопрос: каким образом в материальном мире осуществляется воздействие одного субъекта на другого, что составляет суть насилия? Человек представляет

собой единство двух взаимодействующих, но качественно разных подструктур – сверхбиологической, которая обеспечивает его социальную сущность, и биологической – являющейся предпосылкой его социального существования [37, с. 18]. Существование человека представлено, прежде всего, как функционирование и развитие живого организма высочайшего порядка. В этом состоит биологическая сущность человека. Организм является биологической основой человека, его материальной организацией. И хотя жизнь человека не сводится лишь к биологической стороне его существования, однако вне ее не возможна. Как живой организм, человек имеет особый элемент – психику. Понятие психики многогранно и охватывает весь спектр психических явлений (сознание и несознательное, воля, эмоции, психические состояния и т.д.). Психика, хотя и представляет собой одну из важных функций человеческого организма, тем не менее, не является физиологической функцией. Таким образом, в человеке концентрируется и взаимодействует биологическая и социальная информация, он является биосоциальной системой, находящейся в центре других взаимодействующих биосоциальных систем, элементом которых он выступает [38].

Значит, человек, как живая биосоциальная система, представляющая собой неразрывное единство физического и духовного, биологического и социального, может быть объектом разнообразнейших способов воздействия, которые можно разделить на два вида: физическое (энергетическое) и психическое (информационное). При энергетическом воздействии процесс вредных изменений в объекте воздействия носит материальный характер и связан с переносом физической энергии (механической, химической, тепловой, ядерной и др.) путем использования материальных факторов внешней среды (механических, физических, химических, биологических). Возможность информационного воздействия на человека обусловлена существованием самой психики как особого присущего ему качества, основанного на высшей нервной деятельности, что выражается в способности внутреннего отображения действительности в ощущениях, восприятиях, чувствах, мышлении и воле. Учитывая то, что одним из основных теоретических принципов психологии есть признание обусловленности психических явлений материальной действительностью, поскольку человек связан с окружающей средой многочисленными информационными связями, которые большей частью устанавливаются на уровне подсознания человека, основным элементом психического воздействия является информация. Информационный способ воздействия на психику состоит в передаче сигнальной и значимой для адресата информации, способной повлиять на его психическое состояние или психические процессы [39]. Учитывая данные факторы, можно утверждать, что сущность феномена насилия в его существовании «изнутри» в *физическом интервале* заключается в физическом (энергетическом) и/или психическом (информационном) воздействии на человека.

Исследование феномена насильственной преступности невозможно при игнорировании рассмотрения насилия как такового в *духовном интервале*. Как утверждал известный современный американский писатель и исследователь

Дэвид Хокинс в своей книге «Сила против насилия», «... дух соответствует жизни; сама энергия жизни может быть названа духом. Дух – это бытие, которое сопутствует и является проявлением жизненной энергии. ... Настоящая сила тождественна жизни и духу, а насилие тождественно слабости и смерти» [23, с. 166]. «В самом слове «насилие», – отмечает И. О. Ильин, – уже скрывается отрицательная оценка: «насилие» есть деяние произвольное, необоснованное, возмутительное; «насильник» есть человек, престапующий рамки дозволенного, нападающий, притесняющий – угнетатель и злодей. Против «насилия» надо протестовать, с ним надлежит бороться; во всяком случае, человек, подвергшийся насилию, есть обиженный, угнетенный, заслуживающий сочувствия и помощи. Одно применение этого ценностно и аффективно окрашенного термина вызывает в душе отрицательное напряжение и предвещает исследуемый вопрос в отрицательном смысле» [40, с. 20].

Наиболее общую трактовку понятия «дух» дают философы. Как пишет современный философ А.Л. Доброхотов, дух – это высшая способность человека, благодаря которой возможно самоопределение личности [41]. Следовательно, насилие с точки зрения духовности – феномен исключительно отрицательный, противостоящий человеческому духу. И, принимая во внимание предложенные трактовки, можно утверждать, что насилие в *духовном интервале* представляет собой воздействие одного индивида на другого с целью подавления личностного начала последнего.

Учитывая все выше изложенное, отталкиваясь от полученных в рамках заданных спецификой познавательной позиции нашего исследования интервалов абстракции (биологический, социальный, психический, духовный, правовой) результатов, обратившись к методу интервального синтеза установленных сущностных характеристик насилия, мы можем дать следующее надинтервальное криминологическое определение понятия «насилие»: *насилие – форма криминального (уголовно-запрещенного) поведения, воплощающегося в умышленном, противоправном физическом и/или психическом воздействии одного социального субъекта на другого, вопреки или вне воли последнего, способном причинить ему физический (энергетический) и/или психический (информационный) вред.* Концептуализация данного понятия в качестве инвариантного, универсального для криминологической науки позволит глубже постичь природу феномена насилия и противодействовать криминальным формам его проявления.

Литература:

1. Назаретян А. П. *Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии.* – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
2. Денисов В. В. *Социология насилия: критика современных буржуазных концепций.* – М.: Политиздат, 1975. – 212 с.
3. Simpson S.S. *Caste, Class, and Violent Crime: Explaining Difference In Female Offending // Criminology.* 1991. V. 29. P. 115-135.
4. *Социальная антропология насилия / под ред. В. Н. Ярской.* – Саратов: Саратовский гос. технический ун-т, 2005. – 115 с.

5. Erlanger H.S. *Is There a Subculture of Violence in the South* // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1976. 66 (4). P. 483-490.
6. Бородовский А. П. *Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразит. комплексов)*. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 110 с.
7. Henriksen A., Bengtsson T. *Trivializing violence: Marginalized youth narrating everyday violence* // *Theoretical Criminology* V. 22 Is. 1. P. 99-115.
8. McCarthy B., Hagan J., Martin M.J. *In and Out Of Harm's Way: Violent Victimization and The Social Capital of Fictive Street Families* // *Criminology*. 2002. V. 40. № 4. P. 831-865.
9. Bowling B. *Violent Racism, Victimization, Policing, and Social Context* // *British Journal of Criminology*. 2000. V. 40. № 3. P. 532-534.
10. Estrada F., Nilsson A. *Exposure to Threatening and Violent Behaviour Among Single Mothers* // *British Journal of Criminology*. 2004. V. 44. №2. P. 168.
11. Winlow S., Hall S. *Violent Night: Urban Leisure and Contemporary Culture* // *The British Journal of Criminology*. 2007. V. 47. Is. 6. P. 978–980.
12. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. *Методологические основы исследования преступности* // *Общество и право*. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.
13. Warder J. *Research and Methodology: Two Studies of Violent Offenders* // *British Journal of Criminology*. 1969. V. 9. № 4. P. 389-393.
14. Шестаков Д. А. *Криминология на рубеже двух тысячелетий* // *Вестник Санкт-Петербургского юрид. ун-та МВД России*. – 1999. – № 2.
15. Креминский А.И. *Интервальная методология в контексте современной науки и культуры: Монография*. – Симферополь: Синтгма 2011.
16. *Интервальная методология: ключевые понятия* / Ф. В. Лазарев // *Философия мышления: [сборник статей]* / В. И. Аршинов, Л. Н. Богатая, С. В. Возняк; отв. ред.: Л. Н. Богатая. – Одесса: Печатный дом, 2013. – С. 297-311.
17. Трифонова М.К. *Основные концепты интервального дискурса в методологии науки* // *Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса. В 3-х т. Т 1*. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. лобачевского, 2012.
18. Семенова Е.Г. *Системный подход и интервальная методология как методологическая основа исследований правового регулирования отношений в сфере недвижимости* // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. – 2016. – № 3 (33). – С. 203-209.
19. Лазарев Ф. В. *Интервальный подход: истоки и ключевые понятия* // *Вестник Московского университета*. – 1991. – № 5.
20. Гусейнов А. А. *Понятие насилия* // *Философия, наука, цивилизация*. – М., 1999. – С. 33-59.
21. Борцов Н.А. *Социально-философские проблемы информационного насилия. Дис. ... канд. философ. наук*. – Саратов, 2004.
22. Tutt N. *Violence*. – L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976.
23. Хокинс Д. *Сила vs Насилие. Скрытые мотивы человеческих поступков*. – СПб. : ИГ «Весь», 2010.

24. Игнатов А.Н., Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2018. – № 2 (42). – С. 133-141.

25. *Философский энциклопедический словарь: энциклопедия* / Глав. ред. В.И. Шинкарук. – Киев: Абрис, 2002.

26. *Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мецгеряков, В. Зинченко*. – СПб.: ЕВРОЗНАК, 2003.

27. Адлер А. *Теория и практика индивидуальной психологии*. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.

28. Бэрн Р. *Агрессия* / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – СПб., 2000.

29. Dunbar R. *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1996.

30. Eibl-Eibesfeldt I., Irenäus F., Salter E. *Indoctrinability, Ideology, and Warfare: Evolutionary perspectives*. New York: Berghahn Books, 1998.

31. Opie C., Atkinson Q. D., Dunbar R. *Male infanticide leads to social monogamy in primates*. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. V. 110. P. 13328–13332.

32. Palmstierna M., Frangou A., Wallete A. *Family counts: deciding when to murder among the Icelandic Vikings*. *Evolution and Human Behavior*. 2017. V. 38 (2). P. 175-180.

33. Лоренц К. *Агрессия (так называемое «зло»)*. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 272 с.

34. Берковиц Л. *Агрессия: причины, последствия и контроль* / Л. Берковиц. – СПб., 2001.

35. Фромм Э. *Душа человека*. – М.: Республика, 1992.

36. Бандурка А.М., Зелинский А.Ф. *Вандализм*. – Х.: Ун-т внутр. дел, 1996.

37. Дубинин Н. П. *Что такое человек?* – М.: Мысль, 1983.

38. Игнатов А. *О биосоциальной природе преступности*. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2016. – № 1. – С. 63-73.

39. Игнатов А.Н. *О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении* // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. - 2016. - № 4 (37). - С. 59-65.

40. Ильин И.А. *О сопротивлении злу силою* // *Путь к очевидности*. – М.: Республика, 1993.

41. Доброхотов А.Л. *Дух* // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010.

Literature:

1. Nazaretyan A.P. *Anthropology of violence and the culture of self-organization: essays on evolutionary-historical psychology*. - M.: Publishing House LKI, 2007. - 256 p.

2. Denisov V.V. *Sociology of violence: criticism of modern bourgeois concepts*. - M.: Politizdat, 1975. - 212 p.

3. Simpson S.S. *Crime, Class, and Violent Crime: Explaining Difference In Female Offending* // *Criminology*. 1991. V. 29. P. 115-135.
4. *Social anthropology of violence* / ed. V.N. Jarsky. - Saratov: Saratov State. Technical University, 2005. - 115 p.
5. Erlanger H.S. *Is There A Subculture Of Violence In The South* // *Journal Of Criminal Law And Criminology*. 1976. 66 (4). P. 483-490.
6. Borodovsky AP *Archeology of violence (interpretation of materials of archaeological, anthropological and pictorial. Complexes)*. - Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010. - 110 p.
7. Henriksen A., Bengtsson T. *Trivializing violence: Marginalized youth narrating everyday violence* // *Theoretical Criminology* V. 22 Is. 1. P. 99-115.
8. McCarthy B., Hagan J., Martin M.J. *Harm's Way: Violent Victimization and The Social Capital of Fictive Street Families* // *Criminology*. 2002. V. 40. № 4. P. 831-865.
9. Bowling B. *Violent Racism, Victimization, Policing, and Social Context* // *British Journal of Criminology*. 2000. V. 40. No. 3. P. 532-534.
10. Estrada F., Nilsson A. *Exposure to Threatening and Violent Behavior Among Single Mothers* // *British Journal of Criminology*. 2004. V. 44. №2. P. 168.
11. Winlow S., Hall S. *Violent Night: Urban Leisure and Contemporary Culture* // *The British Journal of Criminology*. 2007. V. 47. Is. 6. P. 978–980.
12. Ignatov A.N., Ilyanovich E.B. *Methodological basis of the study of crime* // *Society and Law*. - 2015. - № 2 (52). - pp. 129-133.
13. Warder J. *Research and Methodology: Violent Offenders* // *British Journal of Criminology*. 1969. V. 9. No. 4. P. 389-393.
14. Shestakov D. A. *Criminology at the turn of two millennia* // *Bulletin of St. Petersburg legal. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 1999. - № 2.
15. Kreminsky A.I. *Interval methodology in the context of modern science and culture: Monograph*. - Simferopol: Sintgma 2011.
16. *Interval methodology: key concepts* / F. V. Lazarev // *Philosophy of thinking: [collection of articles]* / V. I. Arshinov, L. N. Bogataya, S. V. Wozniak; rep. Ed.: L.N. Rich. - Odessa: Printing house, 2013. - p. 297-311.
17. Trifonov M.K. *The basic concepts of interval discourse in the methodology of science* // *Philosophy in the modern world: a dialogue of worldviews: Proceedings of the VI Russian Philosophical Congress. In 3 tons. T 1*. - N.Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, 2012.
18. Semenova E.G. *System approach and interval methodology as a methodological basis for research of legal regulation of relations in real estate* // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2016. - № 3 (33). - p. 203-209.
19. Lazarev FV. *Interval Approach: Origins and Key Concepts* // *Moscow University Bulletin*. - 1991. - № 5.
20. Huseynov A. A. *The concept of violence* // *Philosophy, science, civilization*. - M., 1999. - p. 33-59.

21. Borschov N.A. *Social and philosophical problems of informational violence*. Dis. ... Cand. philosopher. sciences. - Saratov, 2004.
22. Tutt N. *Violence*. - L.: Her Majesty's Stationary Office, 1976.
23. Hawkins D. *Force vs Violence. The hidden motives of human actions*. - SPb.: IG "All", 2010.
24. Ignatov A.N., Vishnevetsky K.V., Kashkarov A.A. *Conceptual foundations, directions and measures to counter criminal violence // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2018. - № 2 (42). - p. 133-141.
25. *Philosophical Encyclopedic Dictionary: Encyclopedia / Chapter. ed. IN AND. Shinkaruk*. - Kiev: Outline, 2002.
26. *Large psychological dictionary / comp. and total ed. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko*. - SPb.: EUROZNAK, 2003.
27. Adler A. *Theory and practice of individual psychology*. - SPb.: Peter, 2003. - 256 p.
28. Baron R. *Aggression / R. Baron, D. Richardson*. - SPb., 2000.
29. Dunbar R. *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1996.
30. Eibl-Eibesfeldt I., Irenäus F., Salter E. *Indoctrinability, Ideology, and Warfare: Evolutionary perspectives*. New York: Berghahn Books, 1998.
31. Opie C., Atkinson Q. D., Dunbar R. *Male infanticide leads to monogamy in primates*. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. V. 110. R. 13328–13332.
32. Palmstierna M., Frangou A., Wallete A. *Family counts among the Icelandic Vikings*. *Evolution and Human Behavior*. 2017. V. 38 (2). P. 175-180.
33. Lorenz K. *Aggression (the so-called "evil")*. - M.: Progress-Universe, 1994. - 272 p.
34. Berkovits L. *Aggression: causes, consequences and control / L. Berkovits*. - SPb., 2001.
35. Fromm E. *Soul of man*. - M.: Republic, 1992.
36. Bandurka A.M., Zelinsky A.F. *Vandalism*. - H.: Univ. Ext. Affairs, 1996.
37. N. Dubinin. *What is a person?* - M.: Thought, 1983.
38. Ignatov A. *On the biosocial nature of crime*. *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. - 2016. - № 1. - p. 63-73.
39. Ignatov A.N. *On violence, its types and their criminal law reflection // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2016. - № 4 (37). - pp. 59-65.
40. Ilyin I.A. *On resistance to evil by force // Path to evidence*. - M.: Republic, 1993.
41. Dobrokhotov A.L. *The Spirit // New Philosophical Encyclopedia: in 4 t. / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Nat Society-nauch. fund; Preds. scientific ed. Council V.S. Stepin. 2nd ed., Corr. and add.* - M.: Thought, 2010.